

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 1. С. 209–223.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2024. Vol. 7, no. 1. P. 209–223.

Научная статья / Original article

УДК 008

doi:10.17323/2658-5413-2024-7-1-209-223

«ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА»: ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТОВ

Сергей Максимович Малков

Институт философии РАН,
Москва, Россия, sm.malkov@gmail.com

 Аннотация. В статье предпринят междисциплинарный подход к анализу проблемы авторства переводных текстов с использованием метода «кейс-стади». Описывается так называемый казус Российского индекса научного цитирования («казус РИНЦ»), случившийся восемь лет тому назад. Конструируется концептуальная аргументация обеих спорящих сторон в пользу принятия каждой из них своего решения. В результате выясняется, что стороны по-разному трактуют понятия «автор текста» и соответственно «автор переводного текста». При этом одна трактовка основывается на содержательном (смысловом) подходе, а другая — на формальном (синтаксическом). Оба эти подхода признаются малоэффективными в попытке разрешить спорный казус. Для выхода из сложившейся ситуации в статье формулируется третий — коммуникативный — подход, который обосновывает такой выход из сложившейся ситуации, который выглядит более объективным и потому мог бы устроить каждую из сторон.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, казус РИНЦ, перевод, интерпретация, автор исходного текста, автор переводного текста, коммуникация, диалог культур, ризома

Ссылка для цитирования: Малков С. М. «Трудности перевода»: проблема авторства переводных текстов // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 1. С. 209–223. doi:10.17323/2658-5413-2024-7-1-209-223.

Methodology of humanitarian knowledge

“TRANSLATION DIFFICULTIES”: THE PROBLEM OF AUTHORSHIP OF TRANSLATED TEXTS

Sergey M. Malkov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, sm.malkov@gmail.com

Abstract. The article takes an interdisciplinary approach to analyzing the problem of authorship of translated texts using the “case study” method. The so-called incident of the Russian Science Citation Index (“RSCI incident”), which happened eight years ago, is described. The conceptual argumentation of both disputing parties is constructed in favor of each of them making their own decision. As a result, it turns out that the parties interpret the concepts of “author of the text” and, accordingly, “author of the translated text” in different ways. At the same time, one interpretation is based on a meaningful (semantic) approach, and the other on a formal (syntactic) one. Both of these approaches are considered ineffective in an attempt to resolve a controversial incident. To get out of the current situation, the article formulates a third — communicative — approach, which justifies such a way out of the current situation, which looks more objective and therefore could suit each of the parties.

Keywords: interdisciplinary approach, case of the RSCI, translation, interpretation, author of the source text, author of the translated text, communication, dialogue of cultures, rhizome

For citation: Malkov, S. M. (2024) “Translation difficulties”: The problem of authorship of translated texts”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 7(1), pp. 209–223. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2024-7-1-209-223.

Гуманитарное познание, как и любая другая познавательная деятельность человека, имеет свой закреплённый научной и историко-культурной традицией предмет исследования — вербальные и невербальные тексты. Как и другие науки, гуманитаристика участвует в выявлении, фиксации, анализе и разрешении проблемных ситуаций, перманентно возникающих в общественной жизни, причем как простых, так и сложных. К их осмыслению привлекаются эксперты-гуманитарии, и подобная деятельность получила название гуманитарной экспертизы. Такие проблемные ситуации могут встречаться в самых разных областях жизненного мира, но чаще всего они порождаются в социально-политической и духовной сферах жизни общества. Нередко они затрагивают проблемы в области образования и воспитания, но этим не ограничиваются. В данной статье будет рассмотрен случай из научной, точнее, философской жизни. Возникшая в ее недрах проблема связана с переводческой деятельностью и касается авторства переводного текста. По своему статусу она носит междисциплинарный характер, то есть для ее разрешения необходимо привлечение специалистов различных социально-гуманитарных дисциплин — философов, филологов, культурологов, историков, юристов и т. д.

Уточним, что именно мы будем понимать под переводом и как это понятие соотносится с двумя другими — «пониманием» и «интерпретацией». Под пониманием мы будем иметь в виду способность человека проникать в мысли другого, порой отделенные от него довольно значительным промежутком времени. Целью понимания является постижение смысла и значения «знаков, передаваемых одним сознанием и воспринимаемых другими сознаниями через их внешнее выражение (жесты, позы и, разумеется, речь)» [Рикёр, 1995, с. 3]. Что касается интерпретации, то она является лишь одной из разновидностей понимания. Как писал П. Рикёр, «важно соблюдать точность в терминологии и закрепить слово “понимание” за общим явлением проникновения в другое сознание с помощью внешнего обозначения, а слово “интерпретация” употреблять по отношению к пониманию, направленному на зафиксированные в письменной форме знаки» [Рикёр, 1995, с. 4]. Понимание может иметь место, скажем, в процессе живого общения собеседников, например на улице или по телефону. Термин «интерпретация» к такому общению не применим. Он используется лишь при работе с артефактами — письменными источниками — и представляет собой искусство общения с как бы застывшим во времени собеседником, облачившим свои мысли в письменную материальную форму. Наконец, перевод — это вид языкового посредничества, при котором выражение содержания текста-оригинала осуществляется средствами друго-

го языка. Безусловно, в процессе перевода письменного текста происходит его интерпретация. Однако она имеет узконаправленную задачу — добиться содержательной адекватности и, соответственно, коммуникативной равноценности текстов оригинала и перевода.

* * *

Вопрос о том, кто такой автор, обычно не считается в интеллектуальном плане трудным. На него существует стандартный ответ: «Автором текста является тот, кто его создал». Так, автором романа «Война и мир» является Лев Толстой, потому что именно он его написал. В данной статье мы попытаемся проблематизировать ситуацию с авторством, воспользовавшись для этого методом кейс-стади, который пришел в методологию научного познания из судебной практики. Мы рассмотрим кейс (или по-латыни — *casus*), который можно назвать «казусом РИНЦ». Он случился около восьми лет тому назад, однако и сегодня не потерял актуальности.

В начале июня 2016 года Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) изменил правила расчета индекса Хирша — показатель частоты цитирования текстов в публикациях авторов научных работ, — полностью перестав учитывать переводы с любых иностранных языков, в том числе и с древних. Таким образом, РИНЦ лишил переводчиков статуса авторов переводов и, соответственно, научных текстов. Причиной этому послужил заметный рост у переводчиков индекса Хирша, поскольку переведенные ими работы в базе РИНЦ были записаны на них, а не на авторов текстов-оригиналов. Так, если кто-то перевел, скажем, трактат Аристотеля, то все случаи цитирования этого произведения записывались не на имя Стагирита (который как автор не числится в базе РИНЦ, поскольку не успел в ней зарегистрироваться из-за своей кончины), а на имя зарегистрированного переводчика трактата. Возникает парадоксальная ситуация: люди в своих статьях цитируют Аристотеля, а индекс Хирша растет у переводчика, который автором текста-оригинала определенно не является. Получается, что он как бы незаслуженно присваивает себе чужие лавры. Аргумент понятен. Эту инициативу РИНЦ поддержали некоторые ученые, в том числе и философы, причем достаточно авторитетные.

Однако данное решение вызвало протест со стороны Ученого совета Института философии РАН, который 16 июня 2016 года в своем открытом письме назвал его абсурдным: «Данное решение является грубо нарушающим традиции и нормы научного сообщества и, наконец, просто абсурдным. Все эти виды [переводческой] деятельности — неотъемлемая часть регулярной научной работы, требующей высочайшей квалификации и огромного труда. Значимость

такой работы не только сопоставима с оригинальными авторскими публикациями, но часто во многом оказывается важнее их и, несомненно, сама эта работа является *авторской в самом прямом и точном смысле этого понятия* (курсив мой. — С. М.). И далее: «Мы обращаемся к руководству Российского индекса научного цитирования с настоятельным требованием *перестать произвольно манипулировать правилами*, ставя под сомнение объективный характер наукометрических показателей» [Открытое письмо ... , 2016]¹.

Кроме заявления о том, что работа переводчика является, несомненно, авторской, каких-либо аргументов в пользу этой точки зрения высказано не было, но их легко можно реконструировать. Действительно, текст-перевод, в отличие от текста-оригинала, был написан именно переводчиком, который вложил в него труд и собственные творческие способности, создавая новое для своего социокультурного ландшафта произведение, которого раньше не существовало в том числе и за пределами этого ландшафта. Вне сомнения, такой текст характеризуется новизной, а значит его следует признать авторской работой.

Анализ данного казуса позволяет вычлениить различные, порой противоположные, способы рассмотрения проблемы авторства перевода и авторства текста вообще. Выделим два противоположных методологических подхода, которые различаются в зависимости от того, на что делается акцент — на порождение смысла, содержания текста (содержательный подход) или на порождение текста как синтаксического целого (формальный подход).

Первый из этих подходов — содержательный — основывается на исторически первоначальном понимании того, кто такой автор, и больше характерен для Древнего и отчасти Средневекового мира. В его основе лежит идея, что автором, то есть создателем текста является тот, кто породил его смысловую составляющую. Данное понимание авторства характерно в первую очередь для продуктов устного народного творчества — мифов, легенд, былин, эпосов, сказок, загадок, пословиц и т. д., — которые с течением времени в процессе пересказа и последующей фиксации в письменной форме могли еще и существенно трансформироваться. Так, в архаической Греции рапсоды и аэды исполняли фрагменты из древнего цикла сказаний о Трое, рассказывая слушателям содержания давно циркулирующих в их среде старинных преданий. В Индии

¹ Следует отметить, что претензии к объективности такого показателя, как индекс Хирша, высказываются до сих пор. В качестве примера мы сошлемся на недавнюю статью В. Ф. Юкиша, который проанализировал существующую практику оценки научного труда и пришел к следующему выводу: «Оценка публикационной активности по существующему критерию индекса Хирша имеет существенные недостатки, поэтому она должна быть упразднена. Вместо нее целесообразно ввести усовершенствованную систему оценки» [Юкиш, 2023, с. 210].

«Ригведа» передавалась из поколения в поколение из уст в уста, и лишь с изобретением письменности была зафиксирована визуально. Разумеется, люди, записавшие ее, не считались создателями самой «Ригведы», возникновение которой традиционно переносилось в глубину веков, а рапсоды и аэды — не считались создателями Троянского цикла. Авторство содержания указанных выше текстов можно охарактеризовать как коллективное, поскольку в его создании участвовало огромное количество людей. Интересные примеры можно обнаружить и в древнегреческой философии. Так, многие философы-пифагорейцы, как известно, не считали себя создателями собственных трактатов, но приписывали их авторство Пифагору, поскольку они лишь воспроизводили для своих современников и их потомков суть его учения. Справедливости ради следует сказать, что нередко они это делали для придания большей авторитетности своим произведениям.

Содержательный подход применим не только к старинным произведениям, но и к современным, включая переводы. С точки зрения этого подхода автором переведенного текста всегда является автор текста-оригинала, а не его переводчик, поскольку последний лишь пытается в меру своих сил адекватно передать *содержание* переводимого им трактата. Скорее всего, именно на данную трактовку авторства ориентировался РИНЦ, принимая свое судьбоносное для многих переводчиков решение о прекращении практики учитывания переводов при подсчете индекса Хирша.

Второй подход к определению авторства текста можно условно назвать формальным. Он акцентирует внимание на синтаксической составляющей текста, и основывается на другой, исторически более поздней трактовке авторства. Согласно этому пониманию, автором данного конкретного произведения является человек, который *впервые зафиксировал его в письменной форме*, несмотря на то что смысловая составляющая текста может и не содержать в себе абсолютной новизны. Заметим, что с точки зрения данного подхода, автором произведения не может считаться простой его переписчик (скриптор), поскольку такой случай не удовлетворяет критерию первичности написания. То есть этот текст должен быть новым, ранее не существовавшим в культурном пространстве. В противном случае мы имеем дело с плагиатом, — попыткой выдать чужой авторский труд за свой.

В Европе отсчет такой трактовки, по-видимому, следует начинать с «Илиады» и «Одиссеи» Гомера. Однако приписывание авторства текста в те далекие времена в многом основывалось не на эмпирически устанавливаемом факте написания его тем или иным лицом, а на устоявшейся традиции. Особенно характерно это проявлялось при формировании собраний сочинений — так

называемых корпусов. Например, в дошедшем до нас корпусе произведений Платона некоторые тексты навряд ли принадлежали этому философу как непосредственному их создателю, но скорее возникли внутри академии благодаря стараниям его учеников. Что касается корпуса Аристотеля, то большинство входящих в него произведений скорее всего представляют собой обработанные учениками записи его устных лекций.

Мы полагаем, что в утверждении понимания автора как человека, собственноручно написавшего новый текст, сыграло немаловажную роль возникновение книгопечатания в Европе, повлекшее за собой смену материального носителя текста с пергамена на бумагу. Все это отодвинуло труд скрипторов, работавших при монастырских библиотеках, на второй план и сделало книги более доступными для людей, предельно сократив временное расстояние между написавшим текст современным автором и его читателем.

Однако подлинный расцвет формального подхода приходится на новейший период истории. Его достоинством является возможность в ряде случаев эмпирическим путем подтвердить или опровергнуть принадлежность текста тому или иному автору. Например, так случилось с авторством романа «Тихий Дон», который практически с момента своего опубликования породил волну сомнений — действительно ли его автором является М. А. Шолохов? Однако в 1999 году в этом споре была поставлена точка, поскольку благодаря усилиям специалистов РАН были обнаружены рукописи первых двух томов этого романа, ранее считавшиеся утерянными. Было эмпирически подтверждено, что автором этих рукописей является именно Шолохов.

Данный подход используется и сегодня, в частности при проверке поступающих в редакции текстов на плагиат. Мы имеем в виду известный многим нынешним издателям книг и журналов комплекс программ «Антиплагиат», который в процессе работы проверяет текст на синтаксический дубляж, учитывая при этом возможные вариации слов и фраз внутри предложений. И если плагиат не выявлен, то автором текста признается тот, кто его набил на своем компьютере и прислал в редакцию. Что же касается смысловой составляющей произведения, то подтвердить новизну его содержания — а следовательно и авторство — без обращения к анализу синтаксиса представляется делом мало-перспективным.

Если вернуться к рассмотрению проблемы перевода, то автором *переведенного текста*, согласно данному подходу, следует считать именно переводчика. И если проверить такой текст с помощью системы «Антиплагиат», то результат покажет его новизну, то есть не обнаружит заимствований с иноязычным оригиналом. Не исключено, что к указанной трактовке авторства в

определенной степени склонялся и Ученый совет ИФ РАН, объявив, как мы писали выше, переводной текст авторским «в самом прямом и точном смысле этого понятия».

Итак, налицо два прямо противоположных подхода к решению проблемы авторства переводного текста. Причем оба они имеют под собой весомые концептуальные обоснования. Какому из этих подходов следует отдать предпочтение? Да и возможно ли вообще в сложившихся обстоятельствах прийти к некоему однозначному решению казуса РИНЦ, которое удовлетворило бы обе спорящие стороны? Прежде чем ответить на этот вопрос, мы должны обратиться к рассмотрению философских оснований герменевтики и попытаться обсудить возможность адекватной интерпретации текста, созданного в иной этнокультурной среде, и, соответственно, возможность его адекватного перевода.

* * *

Существует целое множество проблем, так или иначе связанных с переводческой деятельностью. Их можно условно разделить на проблемы частного, собственно филологического характера, и общегуманитарные, для решения которых необходимо привлекать специалистов других гуманитарных дисциплин. Среди последних проблем особенно выделяется одна, которую можно сформулировать следующим образом: возможна ли адекватная интерпретация произведения инокультурным читателем? И, соответственно, возможен ли адекватный перевод текстов с одного языка на другой, если эти языки возникли, формировались и развивались в разных этнокультурных условиях и традициях? Можно ли считать существующие этнокультуры в чем-то схожими, соизмеримыми друг с другом, или их общность на самом деле является иллюзорной, и мы вынуждены признать правомерность тезиса о принципиальной несоизмеримости культур, языков и текстов? Если мы придерживаемся мнения о наличии в разных культурах неких общих культурных универсалий, то можно ли в таком случае говорить о существовании мировой культурной традиции, которая при помощи этих универсалий пронизывает и скрепляет все локальные культуры, делая их как бы едиными во множестве?

Ту же проблему можно сформулировать в диахроническом срезе. Скажем, существует ли нечто общее между культурой времен Чосера и современной английской культурой? Или мы должны признать их временную несоизмеримость и, как следствие, взаимную непознаваемость? Заметим, что эта проблема носит не только философский, но и культурологический характер, поскольку поднимает вопрос о том, как возможен в мире диалог культур.

Применительно к переводам данную проблему можно конкретизировать на примере Библии. Известно, что «Священное писание Ветхого и Нового завета» переведено практически на все языки мира. Можно ли утверждать, что у этих переводов есть общий смысл, то есть что в принципе люди имеют дело с одной и той же книгой, записанной на разных языках? Или у каждой этнокультуры своя Библия, не соизмеримая по содержанию со всеми другими, включая оригинал? Да и что следует считать оригиналом применительно к Ветхому завету: масоретский извод, Септуагинту или что-либо еще? У каждой культурно-исторической традиции свой ответ на этот вопрос.

Таково содержание одной из интереснейших философских проблем, касающихся трудностей интерпретации и перевода — проблемы адекватности. Концептуальные способы ее решения довольно многообразны. Мы выделим и опишем два противоположных друг другу подхода, которые в той или иной степени используются в герменевтике в качестве методологических ориентиров, но опираются при этом на принципиально разные эпистемологические предпосылки.

Первый подход ориентирует деятельность переводчика на адекватное представление *содержания* оригинального произведения. Он старается максимально адекватно проинтерпретировать смысловую составляющую переводимого текста, после чего по возможности без потерь перемещает ее в свой перевод. Примечательно, что перемещаемое содержание здесь трактуется как особого рода реальность, независимая от специфических особенностей материального носителя, в котором она укоренена. Не имеет значения, какой язык перед нами — арабский, японский, английский, — во всех случаях смысл при переводе может и должен оставаться одним и тем же, поскольку он не зависит от выразительных способностей этих языков. В своих намерениях данный подход претендует на объективность и смысловой универсализм при решении проблемы адекватности. Ее эпистемологической предпосылкой можно считать концепцию зеркального отражения, распространенную в XIX — начале XX века и своими корнями уходящую в античность. Только с одной немаловажной поправкой: в данном случае речь идет о зеркальном отражении не материальных предметов, а смыслового содержания текста. Сторонники такого подхода были и в России. Так, А. А. Фет настаивал на том, что переводчик должен максимально следовать оригиналу.

При всем «благородстве» намерений данный подход применим в основном лишь в качестве *идеального ориентира* для переводчика, побуждая его предельно точно передавать содержание переводимого текста. Дело в том, что при переводе с одного языка на другой всегда маячит риск натолкнуться

на ряд трудностей, порой достаточно серьезных. Например, на лакуны — слова, не имеющие аналогов в языке, на который осуществляется перевод. Так, в арабском языке отсутствует связка «есть»², а в русском — аналог английского слова “grandparents”, который чаще всего стараются переводить как ‘бабушка с дедушкой’. Еще большие трудности возникают при переводе фраз, смысл которых существенно зависит от культурного контекста. Особые проблемы — это перевод устойчивых фразеологических оборотов, пословиц, поговорок и т. д. Что касается социально-гуманитарных текстов, то там встречаются свои подводные камни. Например, философский язык является органической частью языка естественного и существенно зависит от исторически сложившихся особенностей словоупотребления в той или иной этнокультурной традиции. Не секрет, что некоторые философские понятия являются уточненными по смыслу словами, используемыми также и в обыденном языке. Поэтому они волей-неволей продолжают нести на себе каинову печать дополнительных смысловых оттенков, с трудом фиксируемых в процессе перевода. Особенно это касается античных текстов. В целом нам приходится мириться с тем, что абсолютно адекватного перевода с одного языка на другой осуществить практически невозможно.

Второй подход прямо противоположен первому, и его суть можно выразить известной итальянской апофтегмой: «traduttore — traditore» (‘переводчик — предатель’). Его последователи полагают, что любой перевод, каким бы точным он ни казался, — это предательство по отношению к оригиналу, его автору и объективной истине. Одним из самых ярких мыслителей в современной западноевропейской истории философии, сформировавший особый философский фундамент для подобного рода взглядов, был Освальд Шпенглер. Здесь речь идет лишь об общем фундаменте, поскольку о переводе как культурном феномене мыслитель в своих трудах, насколько нам известно, пространно не высказывался. При этом он много писал о науке и искусстве, формируя свою концепцию социокультурного релятивизма. Как справедливо отмечает Е. А. Мамчур, «что касается самого Шпенглера, его личный вклад в разработку проблемы взаимоотношения культуры и науки состоит в том, что он провозгласил культурный релятивизм. Культурная версия эпистемологического релятивизма была, насколько нам известно, наиболее ярко и последовательно сформулирована и разработана именно им, поскольку для него все научные концепции, формулируемые в рамках различных культур, являются равноценными» [Мамчур, 2004, с. 171]. Для достижения упомянутой равноцен-

² Информация предоставлена российским арабистом академиком А. В. Смирновым.

ности Шпенглеру пришлось все исторически существовавшие культуры отделить друг от друга жесткими границами. За их пределы, благодаря внутренним скрепам, превращающим культуру в органическую целостность, людям проникнуть не суждено. Причем такой непроходимый барьер возникает перед ученым не только при исследовании чужих культурных артефактов, но даже в процессе познания природы. В результате этот процесс приобретает довольно специфическую окраску, порой приближающую нас к социокультурному солипсизму. Так, «“природа”, — по Шпенглеру, — только выражение соответствующей культуры» [Шпенглер, 1993, с. 580]. Эту идею философ неоднократно повторяет, демонстрируя ее читателю в разных словесных оболочках. Например, для него природа, познаваемая естествоиспытателем, — «это функция соответствующей культуры» [Шпенглер, 1993, с. 331]. Или еще: «“Человек создал Бога по образу своему” — это столь же несомненно приложимо ко всякой исторической религии, как и ко всякой физической теории, сколь бы хорошо обоснованной она ни считалась. (...) Каждая культура создала для себя свою собственную группу картин [природы] (...) истинных для нее одной и существующих ровно столько, сколько отведено самой этой культуре в реализации ее внутренних возможностей. (...) И оттого не существует абсолютной физики, а только отдельные, всплывающие и исчезающие физики в пределах отдельных культур» [Шпенглер, 1993, с. 572]. Наконец, в одном месте «Заката Европы» мыслитель даже утверждает, что «...природопознание есть некий утонченный род *самопознания* (курсив мой. — С. М.) — где природа мыслится (...) как зеркало человека...» [Шпенглер, 1993, с. 580]. В результате никакой содержательный диалог между представителями разных культур оказывается принципиально невозможным. И если он все-таки возникает, а наличие межкультурных взаимосвязей в жизни отрицать довольно сложно, то является лишь кажимостью. Ибо на самом деле такой диалог — всего лишь самонадеянная иллюзия, мираж, обман, поскольку при детальном рассмотрении он оказывается беседой людей с самими собой, в результате которой ее участники в лучшем случае набредают «на след своей собственной тайны, своей судьбы» [Шпенглер, 1993, с. 580].

То же самое относится и к переводам текстов как одной из разновидностей подобного диалога, в данном случае — диалога автора и переводчика, который для последнего по сути дела является общением с собой и своей культурой. Поэтому все переводы, если сравнивать их друг с другом, с точки зрения данного релятивистского подхода являются равноценными, точнее одинаково ложными. Для желающих приобщиться к письменным достижениям представителей другой культуры и чужого языка предлагается лишь один выход

из сложившейся ситуации — *читать текст на языке оригинала*. Указанный подход основывается на идеях социокультурного субъективизма, внутренней замкнутости и на сегодняшний день практически никем из серьезных философов не разделяется. Однако это не мешает использовать такой подход в качестве эпистемологического регулятива, чтобы побудить читателя по прочтении перевода попытаться соприкоснуться с оригинальным текстом, чтобы глубже его понять.

Близкую к идеям Шпенглера мысль выразил А. В. Смирнов в своей монографии «Всечеловеческое vs. Общечеловеческое», где попытался отграничить свой подход от концепции культурного солипсизма:

В пределе эту уникальность противники цивилизационного подхода превращают в непроницаемость: будучи уникальными целостными образованиями, своего рода монадами, цивилизации-де оказываются целиком инаковыми, непостижимыми и не имеющими смысла друг для друга, поскольку внутри герметической целостности цивилизации невозможно попасть, оставаясь в пределах другой цивилизации — точно такой же герметической целостности. Вместе с тем такая характеристика несправедлива, поскольку сами приверженцы цивилизационного подхода, как правило, не говорят о такой герметичной закрытости и непроницаемости.

[Смирнов, 2019, с. 26]

В сложившейся ситуации мы вынуждены признать оба описанных выше подхода в целом неудовлетворительными и попытаться найти золотую середину.

* * *

Такой золотой серединой может выступить коммуникативный подход, основанный на признании существования в едином мире множества разных культур, представители которых вступают между собой в коммуникацию-диалог, приносящий всем его участникам реальную практическую пользу в виде положительных результатов. Возможность такого диалога основана на идее о том, что граница между различными культурами очень расплывчата. Как справедливо пишет Джеймс Гаррисон, «изначально [в мире] обнаруживается лишь некая недифференцированная смесь культур и традиций во множественном числе; способность же сфокусироваться на той или иной абстрагированной традиции в единственном числе сугубо вторична» [Гаррисон, 2021, с. 14]. Однако если выявление культурной традиции и практики ее взаимо-

действия с другими культурами является вторичной, то что можно принять за первичный фундамент межкультурной коммуникации? По мнению Гаррисона, ею становится диалог между людьми. Люди, говорящие на одном языке, могут проживать в разных странах и на разных континентах, вступать в диалог друг с другом и с иноязычными людьми, то есть общаться на многих языках. Происходит относительная децентрация языка и культуры, в результате чего распространение этнокультурных традиций скорее начинает напоминать разрастание грибницы (ризомы) из первоначального клубня в огромном лесу, чем выращивание герани в горшке на подоконнике. Как пишут Делёз и Гваттари, «язык устанавливается вокруг прихода, епархии или столицы. Он создает клубни. Он изменяется благодаря подземным отросткам и потокам, вдоль речных долин или железнодорожных линий, он перемещается подобно масляным пятнам» [цит. по: Гаррисон, 2021, с. 13]. С точки зрения такого подхода придание культуре четких границ действительно превращает ее в абстрактный объект, не говоря уже о том, что со временем он тоже будет трансформироваться.

Что касается переводческой деятельности, то она является одной из разновидностей межкультурного диалога двух людей — автора изначального текста и переводчика. Согласно коммуникативному подходу, перевод всегда осуществляется для некоей более-менее определенной аудитории (например, студенческой), где он должен стать полноправным представителем на другом языке текста-оригинала и выполнять в процессе коммуникации все его функции. Как пишет В. Н. Комиссаров, «переводчик создает (...) текст перевода, т. е. текст, который в функциональном, смысловом и структурном отношении выступает в качестве полноправной замены оригинала» [Комиссаров, 1990, с. 46]. Если такая цель достигается, то данный перевод превращается в некотором смысле в эталонный и оценивается как адекватный. Однако со временем, в результате социокультурного развития, такая адекватность может устареть, и тогда назреет необходимость создания нового перевода. Таким образом, в результате успешной переводческой деятельности возникает новый межкультурный клубень, который благодаря интерпретационной активности читателей может пустить собственные, порой достаточно специфические отростки.

Наконец, *авторство переводного текста*, если мы оцениваем этот текст как коммуникативно адекватный тексту-оригиналу в той или иной социокультурной среде, на наш взгляд, *следует закрепить за обоими авторами*. Однако здесь возникает трудный вопрос: возможно ли операционализировать понятие «соавторство»? Можно ли сформулировать некую процедуру, в

результате которой мы пришли бы к процентному соотношению: сколько в тексте процентов от творческой активности исходного автора, а сколько — от его переводчика? Видимо на этот вопрос сегодня приходится давать отрицательный ответ. Однако поиски в этом направлении следует продолжать.

Список источников

Гаррисон Джеймс. Интерпретация (не перевод) и философские традиции // Философский полилог. 2021. Вып. 2 (10). С. 11–23.

Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

Мамчур Е. А. Объективность науки и релятивизм (К дискуссиям в современной эпистемологии). М.: ИФ РАН, 2004. 242 с.

Открытое письмо Ученого совета Института философии РАН по вопросу об изменении правил подсчета показателей ученых в РИНЦ.

URL: https://iphras.ru/16_06.htm (дата обращения: 02.02.2024).

Смирнов А. В. Всечеловеческое vs. Общечеловеческое. М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2019. 216 с.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1993. Т. 1: Гештальт и действительность. 663 с.

Юкиш В. Ф. Оценка научного труда // Economy and Business: Theory and Practice. 2023. Vol. 9 (103). P. 202–212.

References

Garrison, James (2021) “Interpretatsiya (ne perevod) i filosofskie traditsii” [“Interpretation (not translation) and philosophical traditions”], *Filosofskii Polilog* [Philosophical Polylogue], 2(10), pp. 11–23.

Komissarov, V. N. (1990) *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Theory of translation (linguistic aspects)]. Moscow: Vysshaya shkola.

Mamchur, E. A. (2004) *Ob”ektivnost’ nauki i relyativizm (K diskussiyam v sovremennoi epistemologii)* [Objectivity of science and relativism (Towards discussions in modern epistemology)]. Moscow: IF RAN.

Otkrytoe pis’mo Uchenogo soveta Instituta filosofii RAN po voprosu ob izmenenii pravil podscheta pokazatelei uchenykh v RINTs [An open letter from the Academic Council of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences on the issue of changing the rules for calculating indicators taken into account in the RSCI] (2016) Available at: https://iphras.ru/16_06.htm (Accessed: 05 January 2024).

Smirnov, A. V. (2019) *Vsechelovecheskoe vs. Obshchechelovecheskoe* [The All-human vs. Universal]. Moscow: ООО «Sadra»: YaSK Publ.

Spengler, O. (1993) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. Tom 1: Geshtal't i deistvitel'nost'* [The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history. Vol. 1: Gestalt and reality]. Moscow: Mysl' Publ.

Yukish, V. F. (2023) "Otsenka nauchnogo truda" ["Evaluation of scientific work"], *Economy and Business: Theory and Practice*, 9(103), pp. 202–212.

Информация об авторе: Сергей Максимович Малков — младший научный сотрудник сектора методологии междисциплинарных исследований человека Института философии РАН. Адрес: Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Information about the author: Sergey M. Malkov — Junior Research Fellow at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.02.2024;
одобрена после рецензирования 01.03.2024;
принята к публикации 10.03.2024.

The article was submitted 01.02.2024;
approved after reviewing 01.03.2024;
accepted for publication 10.03.2024.